

КАЛАШНИКОВА Светлана Михайловна

**«КРАСНОЕ КОЛЕСО» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ
ИСТОРИОСОФСКОЙ ПРОЗЫ**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону — 2009

Работа выполнена на кафедре отечественной литературы XX в.
ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор
Забабурова Нина Владимировна.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Татьяна Николаевна Фоминых
(Пермский государственный педагогический университет);

кандидат филологических наук, доцент
Ираида Владимировна Кириллова
(Волгоградский государственный педагогический университет).

Ведущая организация — Ставропольский государственный университет.

Защита диссертации состоится 12 ноября 2009 г. в 12 час. на заседании диссертационного совета Д 121.027.03. по филологическим наукам при ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет» по адресу: 400131 г. Волгоград, пр. им. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного педагогического университета: <http://www.vspu.ru>
12 октября 2009 г.

Автореферат разослан 12 октября 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000621559

Ученый секретарь
диссертационного совета

Брысина Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Интерес к личности и творчеству А.И. Солженицына с момента публикации его во многом эпохального произведения «Один день Ивана Денисовича» (1962) и по сегодняшний день, когда писатель безоговорочно признан классиком современной русской и мировой литературы, не утихает, а скорее, возрастает. Совершенно очевидно, что в контексте современной ситуации постепенно формируется та система литературоведческих координат специфического научного диалога, в котором только и возможно установить главные конструктивные принципы, объединяющие все уровни и элементы созданного писателем художественного мира в его формально-содержательном единстве с полем притяжения традиции всей предшествующей русской литературы. При этом не менее очевидно, что в этом контексте необходим глубокий анализ каждого произведения автора.

«...Самое уникальное в жанровом, композиционном, повествовательном, стилевом и многих других отношениях, самое важное для автора и самое любимое им, самое (увы!) непрочитанное, непонятое, самое неизученное...»¹ — так вполне закономерно определяют причину того особо пристального литературоведческого внимания, которое уделяется сегодня самому масштабному и во многих отношениях действительно уникальному произведению русской литературы — «повествованию в отмеренных сроках» «Красное Колесо» (1937, 1969—1990), восприятие которого читателями и специалистами долгое время носило черты однозначного неприятия и критики. В этой ситуации совершенно справедливо замечание Ю. Кублановского о том, что «"Красное колесо" не просто очередной не понимаемый современниками литературный шедевр, но книга, рассчитанная на прояснение исторического сознания, без которого невозможно возрождение родины»².

В 1990-е гг. в работах Н. Струве и Ж. Нива предполагалось, с одной стороны, осмыслить данное произведение в контексте историософской парадигмы художественного мышления автора, а с другой — оценить его как художественное целое, не только порожденное спецификой авторского сознания, но и зависимое от традиций русского восприятия истории. Тем не менее споры о природе поэтики этого произведения продолжают-ся до сих пор, в частности, спор о жанровой природе «повествования в отмеренных сроках». В работах А.В. Урманова, Н.М. Щедриной, Т.В. Клеофастовой, П.Е. Спиваковского предпринимаются попытки определить

¹ «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст : междунар. сб. науч. тр. — Благовещенск, 2005. — С. 3.

² Кублановский Ю.М. Стиль и историософия «Красного колеса» А.И. Солженицына // Стрелси. — Jersey City, 1989. — № 1. — С. 59.

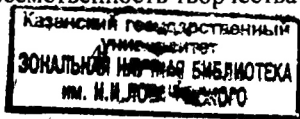
природу художественного своеобразия «Красного Колеса». При этом в каждом исследовании логикой собственных рассуждений автор подводит к идее, что основой художественного приема или образа в «повествовании в отмеренных сроках» Солженицына является послыл автора, так или иначе связанный с его историософскими воззрениями. Данная тенденция совпадает во многом с наметившимся в современном литературоведении интересом к историософской парадигме художественного мышления русской литературы: в работах К.Г. Исупова, Т.Н. Фоминых, Т.И. Дроновой, Л.А. Колобаевой, В.В. Полонского предлагается система литературоведческих координат, необходимая для осмысления феномена художественной историософии в том или ином произведении.

Актуальность диссертационной работы видится в том, что, хотя историософский вектор художественного мышления А.И. Солженицына был обозначен достаточно давно, в контексте современного литературоведения специфика и механизмы его художественного освоения в конкретном художественном целом до сих пор не исследованы системно. Особенно данное утверждение актуально в ситуации с «Красным Колесом», художественно-историософская природа которого до сих пор не подвергалась целостному и последовательному анализу и не рассматривалась в парадигме традиций русской историософской прозы, литературоведческие способы и возможные подходы к изучению которой представлены на сегодняшний момент исчерпывающе.

Цель данного диссертационного исследования заключается в том, чтобы на основании комплексного подхода выявить особенности художественной историософии «Красного Колеса» А.Солженицына с учетом контекста традиций русской эстетики истории XIX—XX вв.

Для достижения этой цели в работе ставятся следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть вопрос о генезисе русской художественной историософии и определить специфику ее идейно-тематической направленности;
- 2) описать основные тенденции функционирования русской художественной историософии XIX в., очертив тем самым потенциальные границы русской историософской прозы;
- 3) проследить различные пути развития русской историософской прозы в отечественной литературе конца XIX — начала XX в., актуализировав момент формирования жанровой формы историософского романа;
- 4) типологизировать историософские «стратегии» в отечественной литературе постреволюционного (после Февральской и Октябрьской революций) периода, связав их с проблемами историософского видения Первой мировой войны и революции и тем самым наметив типологическое родство и историческую преемственность творчества А.Солженицына и

его «повествования в отмеренных сроках» «Красное Колесо» с русской историософской прозой;

5) выявить «стратегию» воплощения авторской концепции истории в структуре «Красного Колеса» как художественного целого, тем самым определив способы и принципы организации художественной историософии в произведении;

6) определить роль и место «Красного Колеса» А. Солженицына в эволюции русской историософской прозы.

Объектом диссертационного исследования являются «повествование в отмеренных сроках» А. Солженицына «Красное Колесо», публицистика писателя, а также корпус русской художественной прозы в аспекте ее историософской парадигмы.

Предметом исследования стала художественная историософия, связанная с тенденцией авторского художественного видения концепции исторического развития как универсальной формально-содержательной системы координат художественного целого произведения.

В качестве **теоретико-методологической основы** были использованы работы по теории и практике художественной историософии (К.Г. Исупова, Т.Н. Фоминых, Л.А. Колобаевой, В.В. Полонского, Т.И. Дроновой), труды по теории и истории романа, проблемам жанровой типологии (М.М. Бахтина, Г. Лукача, Г.Н. Пospelова, Д.С. Лихачева, А.Я. Эсалнек, Г.А. Белой, В.Б. Шкловского, Г.М. Фридлендера, В.В. Агеносова, М.М. Голубкова, С.П. Ильева, В.Н. Соболенко, А.В. Чичерина), исследования по проблемам творчества А. Солженицына (Ж. Нива, Н.А. Струве, Ю.М. Кублановского, А.С. Немзера, П.Г. Паламарчука, П.Е. Спиваковского, А.В. Урманова, Н.М. Щедриной, Т.В. Клеофастовой, С.В. Шешуновой), труды по проблемам философии истории (Н.И. Кареева, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского, П.П. Гайденко, М.Н. Эпштейна, Л.И. Новиковой, А.С. Панарина, О.Ф. Русаковой).

Методология диссертационного исследования предполагает интегрирующий анализ, учитывающий историко-типологический, историко-функциональный, структурно-семантический, мотивный аспекты изучения художественного текста.

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые предпринят системный анализ художественной историософии А. Солженицына, нашедшей свое воплощение в поэтике «Красного Колеса», определен вектор традиции русской историософской прозы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сфера историософской рефлексии является для русской литературы особой системой художественных координат, отличающих ее от других национальных литератур.

2. Конец XIX — начало XX в. — время становления историософской прозы как некоего формально-содержательного единства, эпоха формирования жанровых признаков историософского романа.

3. В постреволюционный период тенденции, связанные с развитием русской историософской прозы, усугубляются темами войны и революции, являющимися историософскими по своей природе; в контексте литературы 20—30-х гг. можно выделить ряд типологических художественно-историософских «стратегий» писателей.

4. Тенденции, наметившиеся в развитии русской историософской прозы, получают свое дальнейшее развитие в творчестве писателей второй половины XX в., например, в творчестве Б. Пастернака, В. Гроссмана, А. Солженицына.

5. Проблема художественного своеобразия «Красного Колеса» А. Солженицына должна решаться в исходной системе координат историософского мышления Солженицына, основной особенностью которого являются условная модальность, возможностный модус отношения к историческому событию.

6. В контексте авторской парадигмы художественной историософии в «Красном Колесе» следует рассматривать не только принцип Узла, но и проблему жанрового своеобразия данного произведения, особый способ организации хронотопов в нем, образ персонажа, принцип мотивной организации «повествования в отмеренных сроках».

Теоретическая значимость работы состоит в разработке нового подхода к проблеме типологического единства традиции русской художественной историософии; в выявлении парадигмы художественно-историософского мышления Солженицына и поэтологическом анализе отдельных форм и средств ее воплощения в «Красном Колесе» как художественном целом.

Практическая значимость работы: результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке лекционных курсов по истории русской литературы XX в., спецкурсов, посвященных творчеству А.И. Солженицына, спецкурса «Русская художественная историософия». Методы анализа историософии автора в ее поэтологическом аспекте могут быть использованы при исследовании произведений современных писателей.

Материалы диссертации прошли **апробацию** на межвузовской научной конференции «М.М. Бахтин и проблемы современного гуманитарного знания» (Ростов-на-Дону, 1995); научных конференциях аспирантов и соискателей факультета филологии и журналистики РГУ (Ростов-на-Дону, 1995, 1996, 1997); международных научных конференциях «Войны России XX века в изображении М.А. Шолохова» (Ростов-на-Дону, 1996), «Личность и творчество А.И.Солженицына в контексте мировой культуры» (Ро-

стов-на-Дону, 1998, 2008), «Филология на рубеже тысячелетий» (Ростов-на-Дону, 2000), «История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания» (Ростов-на-Дону, 2003); «Литература в диалоге культур» (Ростов-на-Дону, 2003, 2005, 2006, 2007); X научно-практической конференции вузов Юга России «Язык и общество» (Ростов-на-Дону, 2006); региональной научной конференции «Современность русской и мировой классики» (Воронеж, 2006); на II Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XX — начала XXI в.» (Саратов, 2007).

Основные положения диссертации отражены в 22 публикациях.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка из 236 наименований. Общий объем диссертации — 215 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется степень изученности проблемы, обосновываются актуальность и научная новизна исследования, намечаются цели и задачи работы, методологические принципы анализа, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертации.

В **первой главе «Традиции художественной историософии в русской литературе»** предпринимается попытка представить контекст традиций русской историософской прозы, т.е. того ряда прозаических произведений русской литературы, художественная система координат которых была так или иначе сформирована в поле притяжения авторской историософской концепции.

В **разделе первом «Истоки традиции философского осмысления отечественной истории в русской литературе»** выдвигается тезис о том, что рубеж XVIII—XIX вв. в русской культуре и литературе стал периодом самоидентификации художественной парадигмы, в контексте которой изначально делался акцент на идее особого исторического пути России. Русская литература формируется как национальная в ситуации «историософского томления», начало которому было положено «Философическими письмами» П.Я. Чаадаева. По сути, ни один крупный писатель XIX в. не обошел вниманием сферу вопросов, связанных с историософской проблематикой, — о смысле, начале и конце истории, о всеобщих началах человеческой культуры, об исторической миссии Руси—России. Русская литература постепенно принимала на себя роль образно-художественной философии. На протяжении всего XIX в. в русской литературе с очевидно-

стью проявлялась, с одной стороны, тенденция осмысливать историческую конкретику, выходя на уровень историософских обобщений, с другой стороны, определилась та черта русского обращения к истории, которую философ и литературовед К. Исупов определяет как феномен ее эстетизации. Проявление этих тенденций в конкретном художественном произведении приводило художников к новаторским прорывам и в жанровом, и в содержательном контекстах. Причем такой прорыв осуществлялся именно тогда, когда автор отказывался от предложенной романами В. Скотта модели освоения исторической реальности и погружался в состояние историософской рефлексии.

Уже для А.С. Пушкина была актуальна та историософская вертикаль, о которой рассуждает А.Солженицын в связи с драмой «Борис Годунов», а интерес поэта к узловым, на его взгляд, моментам русской истории — эпохе реформ Петра I и восстанию Пугачева — стал поводом для создания, с одной стороны, художественных произведений на эту тему, поражающих своим новаторством, а с другой — породил феномен «Истории Петра» и «Истории Пугачевского бунта», где автор выходит на уровень историософских обобщений.

При этом философия истории в контексте русской литературы становится своего рода онтологией истины, а активизация историософской парадигмы в художественном произведении обычно способствует тому, что это произведение стремится выйти за рамки своих жанровых канонов. Так, историософский по сути вопрос о смыслополагании и будущем русской истории стал для Н. Гоголя основанием для синтеза эпического и лирического начал, что породило в свою очередь феномен непривычного жанрового определения «поэма» в применении к прозаическому произведению. Указание на жанровое новаторство «Мертвых душ» стало общим местом в современном литературоведении, между тем как именно вопрос о жанре вызвал недоумение и непонимание критиков XIX в. Та же ситуация раздражения и непонимания возникла в связи с романами Ф. Достоевского, романом Л. Толстого «Война и мир», с «Красным Колесом» А. Солженицына, чья жанровая природа до сих пор вызывает недоумение. При оценке такого типа произведений обозначается обычно одна и та же проблема — не учитывается та новаторская сверхзадача автора, которая и порождает новаторскую художественную форму произведения. У Ф. Достоевского это философский роман, «полифонический» (по М. Бахтину) по своей сути, у Л. Толстого — роман-эпопея, у А. Солженицына — «повествование в отмеренных сроках».

Не литературная игра в события прошлого, занимательность сюжета в антураже исторической реальности и лишь иногда, маргинально, ответы

на кардинальные вопросы, поставленные историей («что делать?», «кто виноват?», «кому править?»), а решение глобальных историософских проблем — вот что становится источником жанрового новаторства книги Л. Толстого «Война и мир». Историософские рассуждения Толстого об исторической необходимости, значении власти в историческом процессе, проблеме исторического предвидения, о «дифференциалах истории» — «однородных влечениях людей», свободе и необходимости в контексте истории, о «духе народа», роевом начале истории дают проекцию на весь художественный мир произведения и, в конечном счете, организуют его определенным образом. Именно эта книга и становится источником художественно-историософских диалогов-противостояний в литературе XX в. Особо актуально это утверждение для «Красного Колеса» А. Солженицына, которое, по свидетельству автора, не было бы написано без «Войны и мира».

Во *втором разделе «Формирование и основные черты историософской прозы в русской литературе конца XIX — начала XX в.»* рассматривается проблема того, как на основе традиций художественно-историософской рефлексии, предложенных системой координат русской классической литературы в период конца XIX — начала XX в., оцениваемый как религиозно-культурный «ренессанс» (когда, по мысли Н. Бердяева, была по-настоящему и оценена великая русская литература XIX в.), происходит концептуализация и жанровое оформление историософской прозы. Данный период, с точки зрения автора работы, знаменателен еще и тем, что именно в это время происходит размывание границ между литературой и иными формами духовной деятельности (религией, философией и т. д.), их взаимоналожение, изменение самого статуса и пределов литературности, процесс всеобъемлющей эстетизации действительности.

Особая роль в этом контексте принадлежит Д.С. Мережковскому, в творчестве которого происходит жанровое оформление феномена историософского романа. Данный феномен определяется наиболее продуктивным в истории жанровой эволюции литературы вектором — эстетизацией истории в литературе, характеризуется охватом образно-повествовательной материи метаисторическими кодами, художественным вживанием в философию истории, в результате чего, собственно, и происходит важная трансформация романа, вплоть до его «дероманизации». Основной конфликтный узел завязывается здесь внутренней логикой историософской концепции. В классическом историческом романе этот конфликт был сосредоточен вокруг действующего героя как самостоятельной личности, носителя индивидуального голоса, вступающего в диалогические отношения с проблемной реальностью, волей и поступками закладыва-

ющего фабулу повествования. В трилогиях Мережковского действующий герой подчинен историософской авторской концепции, связанной с особым способом постижения истории. В поле зависимости от историософской концепции автора — и принцип отбора исторического материала, и выбор «узла» повествования — той эпохи, о которой будет идти речь, и идея циклизации, и т.д.

Другой тип художественного освоения историософского материала и претворения его в контекст романного целого наблюдается в младосимволистской ипостаси жанра, связанной с именем А. Белого как автора «Серебряного голубя» и, особенно, «Петербурга» и романов о Москве. Если историософская концепция Мережковского достаточно антиперсоналистична, то у А. Белого гипертрофированная субъективность (например, в романе «Петербург») взаимоотражается с историей в контексте ее проекции в вечность. При этом историософский характер романов А. Белого достаточно очевиден, хотя эти произведения скорее можно определить как символистские романы в чистом виде с явным историософским уклоном. Интересным и, на наш взгляд, продуктивным этапом в развитии историософской прозы начала XX в. является цикл романов А. Белого о Москве, жанр которого Л. Колобаева определяет как антиэпопею, а в качестве одного из жанровых прототипов определяет «Мертвые души» Н. Гоголя. В контексте ситуации неопределенности жанровых границ произведений в литературе XX в. также достаточно часто употребляется приставка «анти». Например, в связи с «Красным Колесом» А. Солженицына, посвященным, как и «Москва» А. Белого, изображению России в эпоху войны и революции, в отношении жанрового обозначения которого Ж. Нива также употребляет термин «антиэпопея». Изучение традиций, заложенных русской историософской художественной рефлексией в XIX в. и оформившихся в историософскую прозу в начале XX в., подтверждает тот факт, что эти традиции находят свое органическое продолжение во второй половине XX в., в частности в творчестве А. Солженицына, жанровая природа многих произведений которого до сих пор активно обсуждается.

Предложенный автором работы анализ ситуации, сложившейся в русской литературе конца XIX — начала XX в., приводит к мысли о том, что в ней стала наблюдаться актуализация традиций русской художественной историософской рефлексии, вплоть до ее жанрового оформления. В русском символизме художественная историософия рассматривается в контексте перевода дискретного ряда философствования об истории на язык универсальных символов-мифологем. В основном источниками художественной рефлексии историософской прозы начала века становятся, с одной стороны, ее обостренная апокалиптика, воспринятая из «Легенды о

великом инквизиторе» Ф. Достоевского и «Повести об Антихристе» В. Соловьева, с другой — апокалиптическая обращенность к ключевой историософской парадигме русской литературы, к ее «пушкинско-чаадаевскому тексту». Интересно, что явления, аналогового русской историософской прозе, европейская литература не знала; европейский роман не выделял историософские смыслы в качестве вполне самостоятельных, более того, влияющих на художественный строй текста и формирующих его. Европейская романистика не обозначила и сколько-нибудь безусловных параллелей к феномену «чистого» образца историософского жанра в духе Мережковского. Жанровую природу его историософской прозы можно считать максимально «стерильной» в контексте всей русской литературы рубежа веков. Художественная историософия Мережковского достаточно однозначна, она не осложнена иными тематико-эстетическими кодами, как, например, романы Белого, в которых историософские регистры свободно обратимы в целый ряд иных символических регистров, так что эти тексты могут быть описаны в рамках других терминологических систем. С точки зрения автора диссертационного исследования, вопрос об историософской прозе в русской литературе позволяет определить, по какому пути в русской литературе XX в., с ее тенденцией к синтетическому письму, шел процесс трансформации границ «литературности» и освоения литературным процессом нового интеллектуально-эстетического, а также конкретно-исторического пространства.

В *третьем разделе «Постреволюционная художественная историософия»* установлено, что в постреволюционный период тенденции, связанные с развитием русской историософской прозы, усугубляются темами, являющимися историософскими по своей природе: война и революция начинают восприниматься как сложившийся комплекс историософских проблем.

Продуктивной и универсальной концепцией для некой систематизации разновидностей авторской философии истории и художественных картин мира первой трети XX в. автору работы видится классификация типов понимания событийных рядов, основанная на «сопротивлении» оптимизма и пессимизма как двух универсальных моделей мировосприятия, предложенная Г. А. Ландау в его программной статье «Пессимизм и оптимизм». Т. Н. Фоминых использует данную историософскую парадигму в качестве универсальной для анализа типов авторской историософии и поэтики русской прозы 1920—1930-х гг. о Первой мировой войне с намечающейся проекцией на осмысление революционных событий. Используя систему типологических координат, предложенную исследовательницей, и основываясь на тех произведениях, в контексте художественного целого которых однозначно фиксируется историософская «стратегия» их автора, мы

посчитали необходимым актуализировать именно те способы воплощения авторской художественной историософии, которые и являются значимыми составляющими элементами вектора русской историософской прозы. В частности, в произведениях М. Алданова художественная историософия становится универсальной парадигмой романного мышления автора, феномен художественной историософии И. Эренбурга, воплощенной в его романе «Хулио Хуренито», давал интересную проекцию на формотворчество писателя, связанное с его осознанным желанием «разрушить старую форму», в произведениях писателей русской эмиграции — Б. Зайцева и Л. Зурова последовательно реализует себя художественная историософия, основанная на христианской, уже православной традиции и особой модели мира, в основе которой — оптимизм как надежда на прощение и спасение. Что касается литературы метрополии, то в 20—30-е гг. здесь происходит формирование так называемой революционной мифологии, в основе которой — абсолютное оптимистическое миропонимание. Историософское понимание Первой мировой войны советскими авторами в режиме данной мифологии происходило с позиции ленинского учения о революционной ситуации; исторический катаклизм оценивался как революционная школа, открывающая путь России к Октябрю. Историософскую интенцию автора «Красного Колеса» часто интерпретируют исключительно в рамках антимодели по отношению к данной историософской «стратегии», что крайне опрощает художественно-историософскую «стратегию» автора в данном произведении.

Совершенно уникальным явлением в русской литературе метрополии 20—30-х гг., рассматриваемой в аспекте воплощения авторской художественной историософии войны и революции, стал роман Б. Пильняка «Голый год». Постановка вопроса о способах воплощения художественной историософии автора, в том числе и в аспекте жанровой специфики произведения, а также вопроса о традициях бытования историософской прозы позволяет определить, по какому пути в русской литературе XX в., с ее тенденцией к синтетическому письму, шел процесс трансформации границ «литературности» и освоения литературным письмом нового интеллектуально-эстетического пространства. В частности, проекция некоторых приемов реализации историософской «стратегии» автора в романе «Голый год» в аспекте вышеуказанной трансформации на контекст русской литературы второй половины XX в. (например, на формы воплощения авторской художественной историософии в «Красном Колесе» Солженицына) позволяет обнаружить ряд интересных сближений. В частности, обращает на себя внимание схожесть видения исторического процесса в аспекте его причинно-следственных связей, оба автора изображают революцию как катастрофическое событие. При этом своеобразной формой во-

площения авторской историософской интенции у обоих авторов становится фрагментарность повествования, а принцип отбора документов и характер их стыка с основным повествованием для обоих авторов является способом воплощения их художественной историософии, несмотря на разность «регистров» самого формирования этой историософии.

Исключительным явлением в контексте литературы метрополии 20—30-х гг. представляются автору исследования два произведения, в которых повествуется о Первой мировой войне и революции: «Тихий Дон» М. Шолохова, в котором художественная историософия приобретает ту уникальную форму воплощения в хоровом начале, которая в «Красном Колесе» Солженицына заставляет Федора Ковынева (прототипом которого был писатель Федор Крюков, предполагаемый автор «Тихого Дона») назвать свое произведение поэмой в прозе, вызвав у читателя явную ассоциацию с гоголевскими «Мертвыми душами», и «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, в котором поставлены традиционные для русской культуры вопросы, историософские по своей природе: интеллигенция и революция, народ и интеллигенция, личность и история, революция и судьба России. Особенностью последнего произведения является то, что Горький решает вопросы историософского характера в сфере психологии, это позволяет вписать книгу в контекст традиций философско-психологической прозы XX в.

Наконец, совершенно новые художественно-историософские регистры вносит в русскую литературу XX в. Б. Пастернак своим романом «Доктор Живаго», в контексте художественной историософии которого господствует сфера субъективного, личного, индивидуального, частного, которое отстаивает свою автономию перед лицом истории или даже под ее колесом, определяя строй романа, форму его повествования, историософскую «стратегию» автора.

Традиции отечественной художественной историософии нашли свое отражение и в осмыслении темы Великой Отечественной войны. В этом контексте уместно вспомнить о дилогии В. Гроссмана («За правое дело» и «Жизнь и судьба»), для которого характерно особое видение причинно-следственных связей хода истории в духе Л. Толстого. Наличие авторской художественной историософии в дилогии напрямую связано с проблемой ее жанрового определения. Впрочем, с точки зрения автора диссертационного исследования, любое произведение, художественное целое которого формируется под влиянием авторской историософской концепции, так или иначе вызывает споры, связанные с определением его жанрового своеобразия, со способами воплощения этой концепции.

Во второй главе «Поэтика историософской прозы А.И. Солженицына: «Красное Колесо»» на основе предложенной системы координат традиций русской художественной историософии, а также на материале

«Красного Колеса» как художественного целого и всего блока публицистики писателя ведётся интегрирующий анализ способов и принципов организации художественной историософии в «повествовании в отмеренных сроках».

Первый раздел «Своеобразие историософского мышления А.И. Солженицына» посвящен выяснению специфических черт художественного мышления Солженицына, основой которого, по мысли автора работы, является ярко выраженная историософская рефлексия писателя. Тезис о том, что Солженицын — историософ, во многом снимает проблему слова писателя как «истины в последней инстанции», высказанной «человеком убежденным, убедившимся и теперь убеждающим не себя — других»¹, примиряет оппозиционные точки зрения на природу творчества Солженицына как историка и художника. При этом специфической чертой творчества писателя можно считать присутствие в нем особой категории модальности в трактовке исторических событий, которая абсолютно не приложима, с точки зрения «правоверного» историка, к категориям свершившихся фактов. Это возможностное отношение к свершившемуся, знаменитое «если бы» писателя, за которое он порой практически оправдывается перед «чистой» наукой, условная модальность позволяют писателю выводить актуализированное в реальности исторического событие за рамки традиционных причинно-следственных связей, при этом возникает особый детерминизм, историософский по природе, формирующий авторскую схему развития сюжета российской истории. Вся история России для писателя — это своего рода событийно-временная сеть, в определенных местах которой Солженицын как бы стягивает своим историософским видением и знанием некий узел значения; связаны же эти узлы между собой «сквозной исторической ретроспективной-перспективой». При этом у Солженицына обнаруживаются две интересные особенности его видения истории. С одной стороны, это попытка найти систему причинно-следственных связей, исходя из авторского вектора смыслополагания истории, с другой — это тенденция к аналоговому мышлению, поиск смысла через сопоставления, сравнения, аналогии. Линейное, векторно-горизонтальное, ретроспективно-перспективное видение истории у Солженицына строго координируется вертикальным вектором смыслополагания, «историософской вертикалью», в основании которой — вера в Бога. Но не провидение предопределяет исторические события (и в этом смысле Солженицын не фаталист), но человеческий поступок. Проблемы, связанные с нарушениями в основании историософской вертикали, т.е. в системе глубинных отношений человека и Бога, у Солженицына естественным образом влияют на горизонталь

¹ Елисеев Н.Л. «Август Четырнадцатого» сквозь разные стекла // Звезда. — 1994. — № 6. — С. 153.

причинно-следственных связей исторической реальности, явленной в системе историософской парадигмы писателя через Узлы, в точках которых исторический процесс как бы сбивается с истинного пути. Смута XVII в., церковный раскол, усугубленный явлением Петра, а дальше стремительное качение колеса российской истории приводит к трагическим событиям XX в. При этом вычерчивается некая спиралеобразная схема движения истории, в системе которой некоторые разведенные в горизонталь времени вектора исторические Узлы трагическим образом соотносятся по характеру событийности, находясь при этом в причинно-следственных отношениях. Так, в контексте художественной историософии «Красного Колеса» возможностный модус авторской рефлексии истории напрямую связан с принципом узловых организации повествования, с ведущим образом-символом произведения — Колесом (например, мотив колеса как порочного круга, повторяемости, связан напрямую в художественной историософии Солженицына с идеей грядущей катастрофы российской революции), с системой художественных аналогий, возникающих как принцип организации отдельных образов, с художественной историософией поступка, проецируемой на отдельные персонажные образы произведения; данная историософская «стратегия» автора во многом проецируется и на проблему полифонии/стереофонии «Красного Колеса».

Второй раздел «Принцип Узла и метод узловых точек как способы воплощения авторской историософии» посвящен анализу композиционного принципа построения «Красного Колеса» как «повествования в отмеренных сроках», часто ассоциируемого с тем методом уплотнения реальности, методом узловых точек, который сам писатель обозначил как основополагающую ценностную характеристику любого литературного произведения. С точки зрения автора диссертационного исследования, принцип Узла является главным в историософском мышлении Солженицына и в творчестве писателя родился не сразу. В качестве принципа осмысления большого исторического времени он вторичен по отношению к методу узловых точек, его формирование напрямую связано с процессом эволюции авторского замысла. В принципе Узла необходимо видеть момент концептуализации истории автором, а в методе узловых точек — свойственную Солженицыну особенность художественного видения. При этом оба эти феномена художественного мышления писателя имеют свою традицию в русской литературе и связываются именно с осмыслением исторических явлений и формированием точек зрения историософского характера. Например, композиционный принцип Узла у Солженицына сопоставим с принципом циклизации романов в трилогиях Мережковского: в аспекте форм художественного времени цель преследуется одна — объединить большое историческое время в единое целое, исходя из опреде-

ленной идеи и не отходя от максимальной опоры на факт. Узловое видение истории было свойственно и А. Пушкину, и Л. Толстому, и Ф. Достоевскому, и М. Алданову, и А. Толстому.

В *третьем разделе «Особенности функционирования хронотопа в «Красном Колесе»*» автор работы, отталкиваясь от утверждения о том, что Узел в повествовании Солженицына имеет по отношению к художественному целому ещё и свою хронотопическую характеристику, так как в его основе лежит историософская концепция автора, которая в эстетическом объекте преобразуется в авторский хронотоп сжатости и концентрации истории, обращается к проблеме хронотопической организации «Красного Колеса». Разграничивая, вслед за М.М. Бахтиным, архитектурные и композиционные формы, автор диссертационного исследования замечает, что принцип Узла в его сопоставлении с принципом циклизации (в данном случае романной) является чисто композиционной формой организации словесных масс; ею осуществляется в данном эстетическом объекте архитектурная форма художественного завершения исторического события в авторской историософской концепции, для которой характерен возможностный модус существования истории. В этом смысле можно утверждать, что в сфере исторической романистики А.И. Солженицын, следуя за прозаиками начала XX в., своим «Красным Колесом» продолжает разрабатывать коррелятивную пару: историософская концепция автора как архитектурная форма и принцип Узла (цикла) как композиционная. При этом отдельные Узлы повествования с композиционной точки зрения характеризуются тем же авторским хронотопом, который свойствен всему повествовательному целому, но в данном случае авторский хронотоп нужно рассматривать в контексте «изображенного мира», а не «изображающего».

В *четвертом разделе «„Красное Колесо“ как жанровый феномен»* предпринимается попытка — с учетом и характера историософской «стратегии» автора, и своеобразия способов ее воплощения в архитектурных и композиционных формах художественного целого «Красного Колеса», и мысли о свойственной Солженицыну особенности видеть действительность глазами жанра — выйти на проблему жанровых характеристик данного произведения. При этом автор диссертационного исследования, принимая во внимание варианты авторских номинаций и весь спектр имеющихся на сегодняшний день жанровых определений «Красного Колеса», указывает, что при всем многообразии попыток строго-научных жанровых дефиниций «Красного Колеса» в литературоведческом обиходе за ним условно закрепилось понятие «эпопея» или «роман-эпопея». В свою очередь, Ж. Нива рассуждает о том, что «Красное Колесо» — это несложившаяся эпопея, т.е. антиэпопея, в которой тема победила автора, а Л. Коло-

баева предлагает концепцию о существовании в русской литературе такого жанрового феномена, как антиэпопея. В этой ситуации предлагается рассматривать в качестве возможного варианта жанровую природу «повествования в отмеренных сроках» именно как антиэпопейную; принципиальным моментом при таком подходе является то, что для А. Солженицына (как, например, и для А. Белого в его романах о Москве) антиэпопейное начало есть осознанная форма реализации его историософской парадигмы художественного мышления.

Авторское художественно-историософское начало последовательно реализуется в «Красном Колесе» на всех уровнях организации произведения. Соответственно, *пятый раздел «Образ персонажа как воплощение авторской историософской концепции»* посвящен анализу отдельных компонентов той сложной персонажной организации текста, которую предлагает Солженицын, не представляя в качестве центральной фигуру главного героя. При этом вся крайне разветвленная система персонажей на всех уровнях своей организации воплощает различные аспекты авторской историософской концепции. Так, с точки зрения автора работы, оспаривающего позицию В. Гуськова¹, не только вымышленные персонажи — рупоры авторских идей, как, например, Павел Иванович Варсонофьев, становятся средством манифестации историософских позиций автора и его концепции личности, но и реально-исторические личности, изображенные в произведении, в той или иной степени являются выразителями авторских историософских взглядов, так как изначальный художественный модус существования данного текста является историософским по своей природе. При этом рамки реально-исторического персонажа дают Солженицыну возможность конкретизировать свое историософское видение отдельных аспектов проблемы. Так, интересным способом реализации взглядов писателя на проблему человеческого поступка и его роли в истории стала именно личность Николая II, столь последовательно воплощенная в повествовании «Красное Колесо» и интересующая писателя на всем протяжении его творчества в контексте его историософских воззрений на природу власти вообще и царской — в частности. При этом, художественно организуя образ этого персонажа, Солженицын снова обращается к одному из принципов своего художественно-историософского видения — принципу аналогии (Николай II — Федор Иоаннович, Столыпин — Петр I и т.д.).

В свою очередь, анализ образа Павла Варсонофьева дает возможность продемонстрировать, сколь многозначны и сложны авторские приемы создания образа данного персонажа, призванного воплотить, по максимуму

¹ Гуськов В.В. Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо» как форма воплощения эстетических принципов и мировоззренческих позиций автора : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Владивосток, 2006.

му, историософскую «стратегию» автора. Так, например, сам поиск возможных прототипов этого героя (не только философ П.И. Новгородцев, но и Оптинский старец Варсонофий) выводит нас на уровень верификации точек зрения автора «Красного Колеса» на проблему взаимоотношений человека и истории, человека и Бога, а сложная система аллюзивных пластов, мотивов, организующая этот образ, позволяет говорить о том, насколько важен для писателя именно художественный принцип реализации своей историософской «стратегии».

В пятом разделе «Историософская функция мотива в “Красном Колесе” (на примере мотива предсказания)» отмечается, что в «Красном Колесе» как в произведении, в котором нет традиционного сквозного сюжетного действия, а именно сама история становится сюжетом, онтологическая вертикаль событий задается за счет построения автором сложной системы развертывания символических образов и мотивов. В этой связи все эти мотивы кажутся свободными, т.е. не включенными в систему причинно-следственной фабулы, но если учесть, что в основе сюжета — авторская историческая онтология, то динамичность таких мотивов становится очевидной. Практически любая попытка обращения к анализу того или иного символического мотива в этом произведении так или иначе выводит исследователя на уровень анализа авторских принципов художественно-интеллектуального осмысления историософских проблем, пополняя их список и привнося смысловые коррективы. В качестве одного из таких важных онтологических мотивов, дополняющего уже имеющуюся систему координат символических образов повествования и являющегося во многом репрезентативным для художественной системы «Красного Колеса», видится автору исследования мотив предсказания, последовательно реализующийся в произведении А. Солженицына во всех его четырех Узлах и отражающий особое видение автором сути исторического процесса. По мысли писателя, способностью к некоторому «угадыванию» судьбы и будущего обладают лишь люди, духовно настроенные на общение с Богом, лишь им приоткрывается мистическая вертикаль событий, которую, к сожалению, им уже изменить не дано, хотя возможности были историей предоставлены.

В заключении диссертации формулируются основные выводы проведенного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, входящих в список ВАК РФ

1. Калашникова, С. М. Русская художественная историософия 20—30-х годов и «Красное Колесо» И.И. Солженицына / С.М. Калашникова // Изв.

высш. учеб. заведений. Сев.-Кав. регион. Филология и журналистика. Общественные науки : спецвыпуск. — 2007. — С. 13—17.

2. Калашникова, С.М. Историософия монаршей власти в «Красном Колесе» А.И. Солженицына / С.М. Калашникова // Научная мысль Кавказа / Сев.-Кав. науч. центр высш. шк. ЮФУ. — 2007. — № 4. — С. 62—66.

3. Калашникова, С.М. Особенности историософского мышления А. И. Солженицына / С.М. Калашникова // Изв. высш. учеб. заведений. Сев.-Кав. регион. Сер. : Филология и журналистика. Общественные науки. — 2009. — № 1. — С. 114—119.

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. Калашникова, С.М. А.И. Солженицын и Д.С. Мережковский: к типологии жанра историософского романа / С.М. Калашникова // Донские чтения : докл. молодых филологов / отв. ред. проф. Н.И. Глушков. — Ростов н/Д. : РГУ, 1994. — С. 16—18.

5. Калашникова, С.М. Автор-повествователь в художественном целом романа А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого» / С.М. Калашникова // Научная конференция аспирантов и соискателей факультета филологии и журналистики : тез. и материалы докл. / отв. ред. доц. Б.Н. Проценко. — Ростов н/Д. : РГУ, 1995. — С. 33—36.

6. Калашникова, С.М. Особенности хронотопа в романе А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого» / С.М. Калашникова // М.М. Бахтин и проблемы современного знания : материалы межвуз. науч. конф. / отв. ред. проф. Н.В. Забавурова. — Ростов н/Д. : РГУ, 1995. — С. 37—41.

7. Калашникова, С.М. «Красное Колесо» в свете проблемы жанровой неоднородности / С.М. Калашникова // Материалы конференции аспирантов факультета филологии и журналистики / отв. ред. доц. Л.В. Табаченко. — Ростов н/Д., 1996. — С. 45—47.

8. Калашникова, С.М. «Тихий Дон» и «Красное Колесо» в типологии исторического романа / С.М. Калашникова // Войны России XX века в изображении М.А. Шолохова. Шолоховские чтения. — Ростов н/Д. : РГУ, 1996. — С. 82—86.

9. Калашникова, С.М. Принципы использования документа в «Красном Колесе» А.И. Солженицына / С.М. Калашникова // Материалы конференции аспирантов факультета филологии и журналистики / отв. ред. доц. Л.В. Табаченко. — Ростов н/Д. : РГУ, 1997. — С. 43—45.

10. Калашникова, С.М. «Красное Колесо» А. И. Солженицына как роман-эпопея / С.М. Калашникова // Вопросы журналистики и филологии : сб. науч. работ и сообщ. / отв. ред. проф. А.И. Акопов. — Ростов н/Д. : РГУ, 1998. — Вып. III. — С. 41—45.

11. Калашникова, С.М. Образ колеса в повествовании А.И. Солженицына «Красное Колесо» / С.М. Калашникова // Личность и творчество А.И. Солженицына в контексте мировой культуры (к 80-летию со дня рождения писателя) : материалы Междунар. науч. конф. / сост. и ред. проф. Н.И. Глушков. — Ростов н/Д. : РГУ, 1998. — С. 44—46.

12. Калашникова, С.М. Принцип Узла и метод узловых точек в «Красном Колесе» А.И. Солженицына как способ осмысления революции / С.М. Калашникова // Филол. вестн. РГУ. — 1999. — № 2. — С. 17—22.

13. Калашникова, С.М. «Красное Колесо» А.И. Солженицына и «панорамный роман» / С.М. Калашникова // Филология на рубеже тысячелетий : материалы Междунар. науч. конф. Вып. 3 : Литература на рубеже тысячелетий. — Ростов н/Д. : Донской изд. дом, 2000. — С. 28—30.

14. Калашникова, С.М. А. Солженицын и А. Белый / С.М. Калашникова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания : материалы Междунар. науч. конф. Вып. 4 : Актуальные проблемы литературоведения. — Ростов н/Д., 2003. — С. 60—63.

15. Калашникова, С.М. Карнавализация образов и событий в повествовании А.И. Солженицына «Красное Колесо» / С.М. Калашникова // Литература в диалоге культур : материалы Междунар. науч. конф. — Ростов н/Д., 2003. — С. 151—154.

16. Калашникова, С.М. Литературный контекст эпохи в историческом повествовании А.И. Солженицына «Красное Колесо» / С.М. Калашникова // Литература в диалоге культур-3 : материалы Междунар. науч. конф. — Ростов н/Д., 2006. — С. 125—129.

17. Калашникова, С.М. Образ Павла Ивановича Варсонофьева: к проблеме аллюзий и реминисценций в «Красном Колесе» А.И. Солженицына как способу реализации его художественной историософии / С.М. Калашникова // Литература в диалоге культур-4 : материалы Междунар. науч. конф. — Ростов н/Д., 2006. — С. 163—166.

18. Калашникова, С.М. Истоки традиции философского осмысления русской истории в национальной литературе / С.М. Калашникова // Язык и общество : материалы X науч.-практ. конф. вузов Юга России. Ростов-на-Дону, 4 нояб. 2006 г. — Ростов н/Д., 2006. — С. 93—102.

19. Калашникова, С.М. «Красное Колесо» А. И. Солженицына и традиции русской антиэпопеи / С.М. Калашникова // Современность русской и мировой классики / под ред. Б.Т. Удодова. — Воронеж : Изд-во ИИТОУР, 2007. — С. 244—248.

20. Калашникова, С.М. Б. Пильняк и А. Солженицын: к вопросу о традициях художественной историософии в русской литературе XX века /

С.М. Калашникова // Литература в диалоге культур-5 : материалы Междунар. науч. конф. — Ростов н/Д., 2007. — С. 102—104.

21. Калашникова, С.М. Мотив предсказания в «Красном Колесе» А. И. Солженицына: к вопросу о способах воплощения авторской историософии / С.М. Калашникова // Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XX — начала XXI века : сб. науч. тр. / сост., отв. ред. проф. А.И. Ванюков. — Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. — Вып. II. — С. 274—277.

22. Калашникова, С.М. А.И. Солженицын и М.А. Осоргин: к проблеме литературных аллюзий в «Красном Колесе» / С.М. Калашникова // Личность и творчество А.И. Солженицына в контексте мировой культуры : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Е.В. Белопольская. — Ростов н/Д. : НМЦ «Логос», 2008. — С. 16—18.

КАЛАШНИКОВА Светлана Михайловна
«КРАСНОЕ КОЛЕСО» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ
ИСТОРИОСОФСКОЙ ПРОЗЫ

Автореферат

Подписано к печати 09.10.2009 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ 529.

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27

10-